

Т. В. КРАЮШКИНА
(Владивосток)

ТЕМА ГРЯЗНОГО ТЕЛА И МЫТЬЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока)

Аннотация. В статье на материале русских народных волшебных сказок анализируется группа мотивов грязного тела и мытья. В статье описаны классификация и признаки указанной группы мотивов, прослежена связь с традиционной культурой.

Ключевые слова: русские народные волшебные сказки, мотивы.

Человек выступает предметом исследования многих гуманитарных наук: антропологии и физиологии, психологии и философии, литературоведения и культурологии. Каждая из них вносит свой вклад в знания о человеке. Фольклористика — не исключение. Фольклор по своей природе антропоцентричен. Человек познает мир, отражает это в своем творчестве и так познает себя. Каждый жанр, в том числе и волшебная сказка, свойственным ему образом говорит о человеке.

Группу мотивов состояний человека в сказке ученые затрагивали, как правило, решая другие задачи¹. Е. М. Ме-

¹ Под мотивом мы понимаем простейшую повествовательную единицу. Мотивы разнятся функциями, которые выполняют. Одни из них важны для развития сюжета. Если их изъять, то нарушится логика сказки или сказка станет развиваться по другому сценарию. В одних и тех же сюжетных ситуациях возможно использование разных мотивов, на развитие сюжета это не влияет, важно само наличие в сюжетной линии мотива, выполняющего конкретную функцию, но какой именно этот мотив, не столь важно. Следует отметить, что выбор сказочником возможной замены весьма ограничен. Кроме того, некоторые мотивы выполняют дополнительную функцию: если их изъять, то на развитии сюжета это не скажется. Мотивы могут являться и характеристиками персонажей, не выполняя при этом сюжетообразующей функции.

летинский писал о месте ритуального маскарада в символике брачных церемоний [Мелетинский 1998, 315]. В. А. Черванева выделила высокий или малый рост персонажей как один из критериев феномена пространства в языковой картине мира [Черванева 2004]. Этические и эстетические мотивы (в том числе и красоту женских персонажей) проанализировал А. П. Белик на материале русских народных сказок [Белик 1961]. Мотивы грязного тела и мытья оказались за рамками исследований (за небольшим исключением: И. П. Давыдов говорит о бане у Бабы-яги [Давыдов 2001]).

В данной статье тема грязного тела и мытья рассматривается на материале, собранном во второй половине XIX—XX в. в двух крупных российских регионах — в Сибири и на Дальнем Востоке.

Сказочные мотивы грязного тела и мытья имеют ярко выраженную связь с традиционной культурой. Грязь и сажа использовались ряжеными для создания облика персонажей, в которых они переодевались. Применение сажи характерно и для некоторых магических практик. Т. А. Агапкина отмечает, что в Полесье «ради здоровья <...> мазали друг друга сажей по лицу» [Агапкина 2002, 683]; славяне сажей мазали лоб ребенка для защиты от злых сил; при произнесении заговора на ногах младенца пальцем, испачканным в саже, чертят крестики [Болонев 1997, 420]. В волшебной сказке персонажи пачкаются не только сажей и грязью, но и телесными выделениями — потом, слюной, испражнениями, слизью, образующейся в носу, и т. д. Загрязнение в сказке имеет более широкий спектр значений, нежели в традиционной культуре: одни из них имеют ритуальную основу, а другие лишены ее.

Ритуальная основа использования сажи присутствует и в формах общения, связанных с заключением брака. В России была отмечена как одна из игровых форм межполового общения следующая: юноши и девушки мазали «друг друга сажей с помощью головешек от купальского костра» [Агапкина 2002, 515]. Подобное встречается и у других европейских народов. Так, у австрийцев девушкам и парням, нарушившим в пути молчание, «натурали

лицо сажей или снегом» [Филимонова 1989, 45].

В русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока мы выделяем шесть типов мотива грязного тела. Первые три из них связаны с мотивом заключения брака, а четвертый, пятый и шестой — с мотивами выполнения тяжелой работы, путешествия и опьянения.

В волшебной сказке прослеживается ярко выраженная зависимость между испачканным телом (в том числе и сажей) и заключением брака. Грязными могут быть жених до и даже после свадьбы (первый тип мотива), настоящий освободитель и царевна во время и после битвы (второй тип мотива), мнимый освободитель и царевна после битвы (третий тип мотива).

Грязным чаще всего бывает такой персонаж, как Иван-дурак (первый тип мотива). Грязь, неумытость, сопливость — его непереносимые признаки. В сказках на сюжет 530 *Сивко-Бурко*² они присущи герою изначально: «Он умоваться греха не знаю — и сопля у его чуть не до пояса» [Матвеева 1984, 114]. Признак *грязный* характерен для героя до или после выполнения задания. Иван караулит могилу отца, затем возвращается домой, «залез на печь, сопли распустил и сидит» [Там же, 45] (530 *Сивко-Бурко* и 530 *А Свинка золотая щетинка*).

Еще одна субстанция, которой пачкаются персонажи, — это кровь (их собственная или чужая). Если в традиционной славянской культуре кровь животных используется во многих ритуалах как жертва (ее пьют [Агапкина 2002, 595], рисуют крестики у детей на лбу [Там же, 147]), менструальная кровь выступает в качестве лечебного средства (выводят ею шипицы); о крови говорится в поверьях (будто в определенный период времени вода в источниках превращается в кровь) [Там же, 564], кровью становится сок ягод [Там же, 617], ею подписывают договор с дьяволом), то в волшебной сказке кровь не имеет подобных значений. Она представлена как пачкающая жидкость. В сказке появляется мотив *испачканный кровью*. Покойник учит сына, что следует сделать,

когда тот будет возвращаться с кладбища домой: «<...> проткни нос, пусть весь в крови будет, измайся землей <...>» [Матвеева 1984, 81] (530 *Сивко-Бурко* и 300, *Победитель змея*). Внешний вид героя должен внушить старшим братьям страх перед умершим отцом и таким образом лишить их возможности получить в дар чудесных коней.

Герой мажется не только сажей, кровью, но и выделениями из носа, по возвращении домой после попытки выполнить задание царевны — вырвать из ее рук полотенце, снять с пальца кольцо и т. д. Окружающие (прежде всего, его старшие братья) воспринимают Ивана только грязным и сопливым. Ванюшка-дурак выполняет задачу царя — достать лошадей, затем спрашивает братьев, не он ли выполнил задание? Иногда в сказке в подобной ситуации используется не вопрос, а предположение: «*Может быть, это я был <...>*» [Там же, 43] (530 *Сивко-Бурко*). Герой и на вопрос, и на предположение получает один и тот же ответ, в котором часто упоминается испачканное тело: «*А где тебе, тебе только сопли распускать*» [Там же, 43]. Согласно логике братьев, *грязный* означает «неспособный выполнить задание царя и стать женихом царевны».

Герой, отправляясь на смотрины к царевне, свой облик не изменяет: «*Какой был грязный, такой же и здесь сидит*» [Там же, 120] (530 *Сивко-Бурко* и 531 *Конек-горбунок*). Царевна ищет героя, выполнившего ее задание, и видит Ивана. Сказка вновь акцентирует внимание на телесном состоянии героя. В этот раз информация исходит из уст братьев и предназначается царевне: «*Не хватайся, замарайся, он грязной*» [Шастина 1985, 386] (530 *Сивко-Бурко* и 530 *А Свинка золотая щетинка*). Герой остается грязным и в то время, когда за ним как за женихом приезжает царевна или ее слуги: «*Слезает с печи Ванюшка, хохочет, сопли из носу летят, в саже весь, запатралса <...>*» [Шастина 1991, 68] (530 *Сивко-Бурко* и 530 *А Свинка золотая щетинка*). Но герой может специально перед смотрами изменять свой облик.

В сказках на сюжет 532 *Незнайка* сопливость, грязное тело не являются изначально признаками героя. Он изменяет облик в чужом для него

² Здесь и далее номера указываются по [СУС].

пространстве, когда убегает из дому и попадает в другой город: «<...> *вымылся в чугуне водой и сделался черный, как котельная сажка <...>*» [Матвеева 1984, 235—236]; «*И вот теперь ходит по городу, разметаёт шубой пыль по улице и разметаёт грязь по улице. Представил себя неумытым, не стал умываться, бриться и стричься. Да, сделался неумытой рожей <...>*» [Матвеева 1979, 162] (300₁ *Победитель змея* и 532 *Незнайка*).

В сказках на указанный сюжет также прослеживается связь между типом героя и его внешним видом: когда герой предстает в облике дурака, то он грязен, а когда в облике богатыря, то умыт. Даже женившись на царевне, герой в некоторых вариантах сказки продолжает не умываться: Александра-царевна «*умываться его заставляет — он не умывается*» [Матвеева 1979, 168] (300₁ *Победитель змея* и 532 *Незнайка*). Когда герой возвращается с битвы, «*он снимает одежду, надевает опять малахай, лапти, опеть умазался весь сажей, всякой чепухой умазал свое лицо и руки <...>*» [Там же, 169].

К первому типу мотивов примыкает мотив *быть грязным как задача*, также связанный с заключением брака. Герой берется выполнить задачу не мыться, не бриться и одежду не менять. Ему ставят условие, чтобы он «<...> *и соплей не высмаркивал. Сколь накопишь их зимой, чтоб сами падали*» [Там же, 197] (707 *Бова-королевич*, 300₁ *Победитель змея* и 361 *Неумойка*). Во время выполнения задания герой женится. В сказках на сюжет 361 *Неумойка* только третья девушка, к которой сватается герой, принимает предложение. Две другие отвергают его из-за внешнего вида жениха.

Второй и третий тип мотива загрязнения также связаны с мотивом заключения брака, но в отличие от первого типа, не имеют ярко выраженной ритуальной основы. Грязными могут быть два персонажа — царевна и ее освободитель (будущие супруги). Если неумывательность — одна из главных черт образа дурака, то в образах богатыря и царевны она является дополнительной. Этот мотив иногда используется совместно с мотивом битвы. Герой бьется с антагонистом за царевну и убивает его, но тот прежде ранит богатыря. Царевна пытается остановить кровь своему спа-

сителю. Мимо идет мнимый освободитель и говорит царевне: «*Стоит ли она <кровь> того, мартаться в такой грязи, не видишь ли разве, что идет кровь, как ключ кипит из ноги. Вся красная девушка выпатралась, вымаралась, незнатко ее лица ничо, вся она в крове*» [Шастина 1991, 105] (303 *Два брата* и 300₁ *Победитель змея*). В другой сказке нечистота тела служит опознавательным знаком. Царевна узнает в Иване своего освободителя: «*А он в грязи весь и в крови обмарался*» [Матвеева 1979, 166] (300₁ *Победитель змея* и 532 *Незнайка*). Грязным может быть и мнимый освободитель (это третий тип мотива). Слуга намеренно пачкается сам (а в некоторых вариантах пачкает и царевну) для того, чтобы выдать себя за ее освободителя. Используются подручные материалы, но не телесные выделения. Каждый раз персонаж пачкается чем-то одним: «*Вымарался в глине, ее вымарал: со змеем боролся*» [Там же, 202] (303 *Два брата*), «*весь в грязи вымарался*» [Там же, 203], «*вымарался в назмье*» [Там же, 204].

Встречается в сказках и мотив пота. Если в традиционной культуре пот выступает составляющей человека (использование пота при привороте), обнаруживает связь с болезнью (если больной хорошо пропотел, значит, пошел на поправку), то в волшебной сказке он имеет другое значение. Персонаж может стать грязным после выполнения тяжелой работы. Иван купеческий сын прикладывает огромные физические усилия, чтобы вытрясти орла из его шкуры (этим он помогает принять птице человеческий облик): «*Пот с его градом льет <...>*» [Матвеева 1981, 55] (302₁ *Смерть Кащей в яйце*). В другой ситуации герой бьется со змеем: «*Наскочили и давай они пластаться. <...> Пот подавался от них*» [Матвеева 1987, 65] (303 *Два брата* и 300₁ *Победитель змея*). Загрязнение тела потом иногда становится показателем времени и протяженности действия. Старик бьет клюкой по мухе, в которую превратилась ведьма: «*Лупил покуда сам не сопел*» [Шастина 1985, 147] (735 А**** *Три лихорадки*).

Если появление пота у героя во время выполнения физических действий воспринимается как норма, то потливость отрицательных персонажей создает негативную оценку их образов.

Генералы, решившие погулять с пирожницей (первой невестой Ивана-царевича), подвергаются наказанию и против своей воли выполняют всю ночь физические действия — рубят дрова, мелют муку: «Генерал весь раскраснелся, <...>, весь в поту <...>» [Матвеева 1981, 147] (222 *Война птиц и зверей* и 313 А, В, С *Чудесное бегство*), «<...> пот градом текет, рукава засучены <...>» [Там же, 148]. Если ночью генералы потеют, то утром они пачкаются еще и другим образом. Этот мотив загрязнения связан с выражением отрицательных эмоций. На вопрос девушки, почему генерал не пришел к ней, описывается следующая реакция персонажа: «<...> рассердился, плюет против ветра, так что все лицо мокрым стало <...>» [Там же, 148].

Потливость может быть и признаком отрицательных персонажей женского пола. Так, для сказок на сюжет 510 А *Золушка* характерным является мотив примерки утерянной обуви: та из девушек, которой подойдет туфелька (или ботинок), и станет супругой персонажа высокого социального статуса. В этом случае мотиву потливости сопутствует мотив напрасно затраченных физических усилий. Дочери мачехи меряют ботинок с таким усердием, что обе «спотели, ниче не могут надеть» [Зиновьев 1983, 99].

В сказке встречается и мотив предполагаемой потливости. Он используется в сочетании с мотивом мнимой материнской заботы. Мать хочет вместе с антагонистом уничтожить сына. Для этого нужно лишить его волшебного перстня, дающего силу. Любовник учит мать героя отправить сына мыться в баню. Мать говорит ему: «Ну, <...>, сынок, ты долго ездил, долго воевал, наверно, у тебя тело запотело, иди в баню вымойся <...>» [Азбелев 1986, 166] (315 *Звериное молоко*, 449 *Царская собака (Сиди-Науман)* и 551 *Молодильные яблоки*).

Персонаж становится грязным во время путешествия. Пыль, которая падает на героя во время пути, свидетельствует о необычайно высокой скорости его перемещения в пространстве. Помощник несет Ивана: «Смотрит — уж они над ихним царством летят, принес вперед тех его, занесло его пылью, не узнаешь» [Матвеева 1979, 101] (301 А *Три царства* и 303 *Два брата*). Герой стано-

вится грязным во время долгого пути и в том случае, если путешествует без помощника: солдат «идет пьяный, грязный, с котомкой» [Там же, 240] (300, *Победитель змея* и 315 *Звериное молоко*).

Мотив загрязнения сопутствует мотиву опьянения. Иногда загрязненность пьяных собственными испражнениями выступает показателем высокой степени их опьянения. Так, после свадьбы герой выпроваживает «сех приятелей своих, направил путь-дорогу пьяных и заср... <...>» [Шастина 1991, 69] (530 *Сивко-Бурко* и 530 А *Свинка золотая щетинка*).

Мотивы очищения тела подразделяются в сказке на четыре основные группы. В первую входят мотивы, имеющие ярко выраженную ритуальную основу. «Водные процедуры — традиционная черта быта далеко не всех народов. <...> Очевидно, самостоятельный путь развития бань был у восточнославянских народов, о чем свидетельствует мифология <...>» [Циль 1989, 206]. Довольно часто герои моются на границе миров. Функция этого омовения — очищение от запаха живых. Оно совершается в том случае, если герой, принадлежащий нашему миру, хочет попасть в мир мертвых. И. П. Давыдов считает, что пребывание путника в избушке Яги начинается с мытья [Давыдов 2001, 78]. «Герою, чтобы незаметно пробраться в загробный мир, необходимо избавиться от запаха живого тела, но только Яга, в распоряжении которой находится магическая баня, знает, как это сделать. Именно поэтому она сама ее топит — баня необычна по своим функциям. И именно поэтому она сама моет в ней героя — он самостоятельно не смог бы отмыться в волшебной бане от своего запаха!» [Там же, 79]. Мотив мытья Бабой-ягой в сказке может утрачиваться. Герой моется сам, но баню для него топит Баба-яга. Она «побежала, воды из речки натаскала, баню истопила <...>. — Но, иди теперя, мойся. Баня готова. Он пошел намылся-напарился, веничком нахлестался» [Афанасьева-Медведева 1994, 172] (312 D *Катигорошек*). После того как герой вымылся, он приходит в избушку и ложится спать. Видимо, этот мотив генетически связан с существующим в традиционной культуре ритуалом омовения покойника. «Материалы не только похоронного, но и других обря-

дов дают основание полагать, что физическая чистота («вымытость») является устойчивым признаком смерти» [Байбурин 1993, 107]. В эту же группу входит мотив омовения, связанного с изменением облика (и сущности) персонажа. В первом случае моется разрубленное на части тело вредоносной невесты. Мытье совершается между локусом царевны и локусом героя. Помощник «*приказал половину туши на одну сторону на веревках выполоскать, а другу — на другую половину корабля*» [Матвеева 1993, 222] (519 *Слепой и безногий*, 530 *Сивко-Бурко*, 530 *А Свинка золотая щетинка* и 725 *Нерассказанный сон*). После мытья тело сбрызгивается мертвой и живой водой, невеста освобождается от вредоносной силы и обретает еще большую красоту.

Кроме того, жених или невеста после омовения становятся красавцем и красавицей. В сказке на сюжет 531 *Конек-горбунок* Елена-краса соглашается выйти замуж за старого царя, если он вымоется в трех котлах и помолодеет. Царь, желая сначала попробовать этот способ на другом, отправляет мыться Ивана, и тот при помощи жеребца после купания в кипятке, теплом молоке и холодной воде становится красавцем, а царь, лишенный помощи тотемного животного, гибнет.

Купание в молоке как один из способов улучшения облика сохранилось и в традиционной культуре. Так, «чтобы ребенок был белотелым, его первый раз купали <...> в парном коровьем молоке <...>» [Шапарова 2003, 83]. Кроме того, на цвет кожи младенца, считалось, влияет даже выпитое матерью молоко: беременная «должна больше пить молока, тогда тельце младенца будет белым» [Науменко 1998, 24].

Как правило, если герой моется по своей инициативе, то омовение происходит тайне от других персонажей. До битвы со змеем он «*пошел вымылся в чугуне белой водой и стал опять красивый <...>*» [Матвеева 1984, 236] (532 *Незнайка*). После битвы со змеем Иван Незнайка избавляется от богатырского облича следующим образом: «*Вымылся в чугушке черной водой и стал опять черный, как котельная сажка*» [Там же, 237]. Благодаря умыванию чистой ключевой водой герой обретает богатырскую силу [Там же, 156] (530 *Сивко-Бурко*).

Еще один тип ритуального омовения — так называемая невестина баня. М. Рейли говорит о ее значении в традиционной культуре: «Невестина баня накануне свадьбы была одним из самых важных обрядов отлучения невесты от родни и перехода в новый социальный статус» [Рейли 2002, 135]; «Мытье в бане расценивалось как утрата, смывание девичьей воли и красоты» [Там же, 137]. М. Н. Зыкова пишет о схожести бани для невесты и покойника: «Отметим еще “баню” (ритуальное паренье, мытье невесты) как особый небольшой обряд. В этом действе есть черты, роднящие его с похоронными обрядами: “умершую” девицу обмывают, одевают в новое. Нахождение в бане есть пребывание в статусе “еще не рожденного” (баня как чрево, лоно)» [Зыкова 2005, 82]. Для волшебной сказки совершающееся ритуальное омовение невесты не характерно. Мытье невесты в бане связано с предполагаемым incestом. Сестра говорит брату, желающему на ней жениться: «*Нужно истопить баню и пойти в баню*» [Матвеева 1993, 215] (313 Е* «*Сестра просела*» и 510 В *Свиной чехол*). На самом деле, баня — только предлог, девушка не моется, а убегает от брата, таким образом спасаясь от incestа.

Н. А. Криничная выделяет следующие функции бани: «Из утилитарных функций важнейшими являются санитарно-гигиеническая и лечебная, не лишённые, однако, некоторой мифологической окраски» [Криничная 2001, 35]. Во вторую группу входят мотивы, связанные с гигиеной. В сказке из утилитарных функций преобладает санитарно-гигиеническая. Группа имеет несколько подтипов. Для русских мытье являлось обязательным элементом быта. Как отмечает П. С. Ефименко, «<...> мыться должен всякий. Кто не моется, тот не считается добрым человеком» [Ефименко 1994, 164]. По-видимому, поэтому в сказке так часто встречается мотив мытья, не осложненный дополнительными значениями.

Во-первых, герой моется после выполнения какого-либо дела. В этом случае, кроме самого моющегося персонажа, часто задействован персонаж (как правило, женский), который приносит герою воду для омовения. Световик бьется со змеем и засыпает.

Когда просыпается, то просит царевну принести ему воды. «Она бросилась ко дворцу, <...>; подала ему розовой воды; он умылся, освежился <...>» [Матвеева 1993, 70] (300 А *Бой на калиновом мосту*, 301 А, В *Три подземных царства* и 302₁ *Смерть Кощея в яйце*). В другой сказке появляется редкий мотив — использование мыла при мытье: «Три часа посплю, тогда приходи — мыло принеси, я умоюсь» [Матвеева 1979, 147] (300₁ *Победитель змея* и 532 *Незнайка*). Герой после выполнения задания иногда моется в бане. Кроме того, в подобной ситуации встречается и мотив омовения в водных источниках. Герой сжигает тело убитого им змея: «<...> наклак костер, сжег, а пепел на ветер повеял. Обмылся в море» [Мельников 1983, 31] (303 *Два брата* и 567 *Чудесная птица*). Герой моется после того, как караулил могилу отца и вернулся домой испачканный в крови и грязи. Снова используется помощь персонажа женского пола: «Мать приносит теплой воды обмыть лицо и руки» [Матвеева 1984, 81], в следующий раз «мать приносит воду, начинает его отмывать <...>» [Там же, 83] (530 *Сивко-Бурко* и 300₁ *Победитель змея*). Анализируемый мотив может быть связан и с нарушением запрета. Но омовение в этом случае не приводит к ожидаемому результату. Девушка нарушила запрет — зашла в амбар: «Она пальчиком помешала кровь — отмывала, отмывала, не могла отмыть» [Зиновьев 1983, 141] (311 *Медведь (леший, чародей, разбойник)* и три сестры).

Во-вторых, герой моется перед тем, как отправиться в дорогу, или в пути. Иван собирается на охоту и просит жену: «<...> ты мне истопи баню <...>» [Матвеева 1979, 209] (567 *Чудесная птица*, 300₁ *Победитель змея* и 303 *Два брата*). В сказке на сюжет 433 В *Царевич-рак (змея)* героиня нарушает запрет, лишается мужа и отправляется на его поиски. Приходит к лесной избушке, в которой живет сестра ее мужа. «У разных народов, особенно у древних индоевропейцев, омовение гостя — часть ритуала его приема» [Циль 1989, 206]. Золовка «<...> баню истопила. Помылась она, отдохнула и пошла опеть» [Матвеева 1993, 180]. Если герой останавливается в лесной избушке или у бабушки-задворенки надолго, то в сказке упоминается

утреннее умывание: «Встал Иван, умылся <...>» [Матвеева 1979, 220] (567 *Чудесная птица*, 300 А *Победитель змея* и 303 *Два брата*). Умывается утром и герой, находящийся в локусе антагониста: «Настало утро. Ваня встал, умылся <...>» [Матвеева 1981, 268] (сюжет 313 А *Чудесное бегство*).

В-третьих, моются сваты. Герой собирается высватать царевну и для этого собирает мужиков и баб, которых хорошо одели, обули и, сообщает сказка, еще их «умыли» [Матвеева 1993, 230] (560 *Волшебное кольцо*).

В-четвертых, в сказках на сюжет 530 *Сивко-Бурко* представлен иной тип мытья: героя моют против его воли. Налицо два значения этого действия: ритуальное (героя избавляют от принятого облика, возвращают в наш мир) и санитарно-гигиеническое (героя очищают от грязи). Таким образом, этот подтип мотива может быть отнесен и к первой, и ко второй группе. После того как Иван допрыгивает до царевны и снимает с ее руки перстень (или получает другую мету), он снова прячется, а царевна начинает искать своего жениха. Царевна сама очищает Ивана от грязи (она «сташиила с печки Ванюшку, вынула персицкай чистой белой платочек, обтерла его лицо, не помарговала ничему <...>» [Шастина 1991, 67]), кроме того, по ее приказу героя моют лакеи или служанка. Героя могут мыть до того, как невеста находит у него мету, или после. Царевна «приказала быстро истопить баню, vesti его лакеям и вымать его и в чистую одежду одеть» [Матвеева 1984, 237] (530 *Сивко-Бурко* и 532 *Незнайка*). Героя вытирают лицо, его умывают, соскабливают с него грязь, моют, но где именно это происходит, в сказке указывается не всегда, потому что более важным является очищение от грязи, чем место, где это происходит. Сказка говорит и о долгом сопротивлении героя. Царевна отправляет свою служанку умыть Лысенского-Плешивенького: «<...> только умоет и вытрет ему лицо, а он цоп земли и опять грязный; мучилась, мучилась и бросила» [Там же, 251] (532 *Незнайка*). В этой сказке вымыть жениха не удастся: герой и после свадьбы остается в образе дурака.

В третью группу входят мотивы лечебного мытья. В волшебной сказке они

встречаются крайне редко. В сказке на сюжет 735А**** *Три лихорадки* говорится о том, что старик лечит в бане больную девушку. Следует отметить, что встречается и мотив мнимого лечебного мытья. Так, герой «лечит» свою жену в бане с помощью медных и серебряных розог (566 *Роза*).

В четвертую группу включены мотивы омовения, лишенные ярко выраженной ритуальной основы; на лечебной и гигиенической функции мытья также не ставится акцент. Омовение выполняет и ряд других дополнительных функций в сказке.

Первая из них — уничтожение положительных персонажей: героя, его невесты, помощников. Персонажи находятся в ином мире. Инициатива мытья исходит от противника. Его цель — уничтожить героя или причинить ему вред. Сам антагонист в мытье не участвует.

Во-первых, в сказке используется мотив мытья в бане как свадебного задания. Оно характерно для сказок на сюжет 513 А *Шесть чудесных товарищей*. Царь дает задание жениху и его помощникам — попариться перед свадьбой в бане. «*Натопили баню страсть как жарко; царь думал их там задушить*» [Матвеева 1979, 265]. Первым в баню идет помощник, обладающий способностью уменьшать жар. «*Помылись они там и ругают царя, что холодной баней вздумал их угощать*» [Там же]. В другой сказке мальчик-помощник предупреждает Запечного Искра: «*Тебя царь пошлет в баню, в которой будет сожжено двенадцать сажень дров, <...> если со мной пойдешь, тебе даже холодно будет*» [Матвеева 1979, 271].

Во-вторых, совместное мытье в бане молодых супругов. Они должны мыться в бане, находящейся в ином мире. Как и в рассмотренном выше варианте, антагонист хочет уничтожить их, зажарив в бане. В этом случае мотиву мытья сопутствует мотив людоедства: «*Была устроена чугунная баня, и накатывали в нее почти полную дров; раскаливали ее, как все равно красное сукно, эту баню; вот в эту-то баню раскаленную должны их бросить, Ивана-заклятого с нареченной его невестой, ожарить и подать ему их кушать*» [Матвеева 1981, 217] (313 А *Чудесное бегство*, 560 *Волшебное кольцо* и 313 Н* *Бегство от ведьмы (железно-*

го волка, чародея и др.)). Невеста в этой ситуации помочь не может, и персонажи убегают из иного мира в наш мир — к родителям Ивана.

В-третьих, совместное мытье зятя и шурина. В этом мотиве омовение предполагается в локусе антагониста. Оно служит поводом для того, чтобы лишить персонажа помощи сестры, находящейся замужем за антагонистом, и уничтожить его. Антагонист и шурина идут в баню раздельно: «*Ворон наперед ушел. Ворон пришел в баню, парень пришел*» [Матвеева 1979, 262] (300₁ *Победитель змея* и 301 А, В *Три подземных царства*). Такое развитие сюжета в модели собственных отношений «зять — шурина» для русской народной волшебной сказки не характерно.

В-четвертых, мачеха (мать) отправляет пасынка (сына) в баню, чтобы убить его с помощью отравленного белья. Генерал советует купчихе, как извести ее сына: «*Истопи баню, позови Ваню с собой, помои его и дай надеть вот эту белую рубашечку <...>*» [Матвеева 1984, 225] (532 *Незнайка*). В этом случае баня находится в локусе героя и его антагонистки. Герой моется, но следует совету коня и надевает грязное белье, а отравленное бросает.

Вторая дополнительная функция мотива мытья — избежание смерти. Мытье может быть настоящим или мнимым. В сказке речь идет о том, что сестра заводит себе змея-любownika, который подговаривает ее уничтожить брата. Звери, помощники героя, оказываются запертыми, антагонист раскрывает пасть и хочет съесть героя, но тот просится сначала помыться, проявляя мнимую заботу об антагонисте: «*Что же ты, змеюшко, будешь меня есть, я везде хожу, тело у меня заветрило, скажи сестрице, пусть баньку истопит*» [Матвеева 1993, 94] (300₁ *Победитель змея*, 313 Н* *Бегство от ведьмы* и 315 *Звериное молоко*); «*Нечиста сила, разрешите баню затопить, потому что у меня тело грязно, как вы будете ись*» [Зиновьев 1983, 121] (315 *Звериное молоко* и 300₁ *Победитель змея*). Баню топят сестра героя или сам герой, оттягивая время: топят баню сырыми дровами, ссылаются на то, что в бане можно угореть. Прибегают его звери и разрывают противника. Инициатором мытья может выступать и антагонист. Волшебник просит сестру героя:

«Топи баню, чтобы он хорошо вымылся» [Матвеева 1981, 265] (313В Чудесное бегство, 222 В Война птиц и зверей, 553 Ворон-помощник и 303 Два брата). В сказке с контаминацией сюжетов 300, Победитель змея и 532 Незнайка людоед хочет съесть маленькую царевну. Она просит его: «А ты меня, дядюшка, не ешь, уведи на сине море, отпусти на сине море умыться». — «Если приведешь за себя человека, то сходи, умойся, оставлю» [Матвеева 1979, 174]. На берегу девочка встречает своего отца, который освобождает ее от людоеда.

Третья функция мотива мытья в русской народной волшебной сказке — обретение помощницы. Мытье может будущая невеста или сам герой. Если моется невеста, как в сказках на сюжет 313 А, С Чудесное бегство, то речь идет о купании, которое происходит в природных источниках, на открытом пространстве. Вместе с невестой купаются и ее сестры: «Воротились тридцать три девицы, тридцать три колтисы; мылись, и белились, и румянились на острове на Буяне» [Матвеева 1981, 230]. В это время герой крадет рубашку девушки и заручается ее помощью. Функция обретения помощницы может быть связана и с мотивом самостоятельного омовения героя (465 А Красавица жена («Пойди туда не знаю куда»)). В этом случае герой умывается на границе миров, в избушке. Важным знаком оказывается полотенце, которым утирается герой. Его вышивала Василиса Премудрая. Хозяйка избушки узнает полотенце, вышитое ее сестрой, признает в герое свойственника и предлагает ему помощь.

Четвертая функция рассматриваемого мотива — достижение поставленной цели с помощью мытья.

Во-первых, оно позволяет выявить настоящего героя. Это характерный мотив для сказок на сюжеты 530 Сивко-Бурко и 530 А Свинка золотая щетинка. Герой отправляется в баню для того, чтобы выявить, кто на самом деле выполнил все задания царя. Инициатива помыться исходит от Ивана-дурака. «Царевна обрадовалась, все же, думает, хоть сопли-то немного отмоет, а то уж обовишел совсем. Побежала, истопила баню, совсем приготовила <...>» [Матвеева 1984, 18]. После того как баня истоплена, герой просит жену позвать в баню царя и зятя. «Тем не охота,

но послушаться не смеют, пошли. Когда в бане разделись, царь смотрит: “У вас пальцы-то где это, а на спине-то что за полоса?”» [Там же, 19]. Герой предьявляет тестю в доказательство своих подвигов пальцы и полосы кожи со спины зятя и становится наследником царя.

Во-вторых, мытье связано с мотивом вешего сна. Герою снится, что он должен стать царем, а его старшие братья будут пить воду, в которой он вымыл ноги. Происходит так, как приснилось: «Раз в комнату ложится, царица ему: “Но, дак ты ноги-то вымой”. Он ноги-то вымал, ложится, спит. Брат один соскакивает — пить захотелось. Видит — вода стоит в тазу. Надо напиться. И напился» [Матвеева 1984, 141] (530 Сивко-Бурко и 725 Нерассказанный сон).

В-третьих, мотив мытья может быть связан с мотивом зачатия. Старуха зовет солдата, который долго находится в пути: «Переночуй, отдохнешь, в баньке помоешься, а потом пойдешь дальше» [Матвеева 1979, 241] (300, Победитель змея и 315 Звериное молоко). Благодаря этому у царевны появляется возможность зачать от него чудесного сына.

Пятая функция: мытье — причина некоего события, например, утери подаренного царевной перстня. «Этот мужик стал перед обедом мыть руки. Снял с руки перстень и положил на окошко» [Азбелев 1986, 163] (301 D* Солдат находит исчезнувшую царевну и 318 Неверная жена). «Ну, забыла, — г-т. — Мылашь <...>» [Азбелев 1986, 109] (301 D* Солдат находит исчезнувшую царевну). Забытые перстни становятся причиной разлуки солдата и царевны.

Таким образом, грязное тело является одним из постоянных признаков дурака или героя, принимающего обличье дурака, еще не имеющего невесты или не ставшего наследником царя³. Инициатива загрязнения принадлежит самому герою, загрязнение осуществляется по его воле, другие персонажи в этом случае не задействованы. Реже в русской народной волшебной сказке

³ Это сюжетобразующий мотив; другие мотивы загрязнения тела выполняют дополнительную функцию, например, служат подтверждением того, что персонаж выполнял или якобы выполнял некое действие: бился со змеем, находился в пути, прикладывал огромные физические усилия для достижения поставленной цели.

Сибири и Дальнего Востока используется мотив грязного тела богатыря. В этом случае ему также сопутствует мотив заключения брака с царевной. Загрязнение осуществляется во время битвы с антагонистом, категории цели и добровольности/недобровольности в этом случае не задействованы. Эти категории отсутствуют и в других случаях загрязнения, связанных с физиологией персонажей, путешествием и т. д. Для сибирской и дальневосточной волшебной сказки не характерно загрязнение невесты по ее инициативе (кроме Золушки). Кроме того, в сказке используется и мотив парного загрязнения. Пачкаются мнимый освободитель и царевна по инициативе мнимого освободителя. Первый персонаж пачкается по своей инициативе и добровольно, а второй — против своей воли, инициативы не проявляет. Мотив загрязнения в большинстве случаев используется единожды. Но существуют сюжеты, в которых персонаж неоднократно прибегает к загрязнению тела. Это отличается их от всех рассмотренных выше. За мотивом загрязнения тела может следовать мотив очищения, но сказка не акцентирует на нем внимание.

Мотив грязного тела в сказке обычно не отражает представлений традиционной культуры, связанных с жидкостями человеческого тела (кровью, слюной и пр.), грязью, пылью и т. д.

В волшебной сказке чаще идет речь о мытье персонажей, чем об их загрязнении. Мотив омовения в волшебной сказке представлен значительным количеством типов и выполняет больше функций, чем мотив загрязнения. В сказке присутствует четыре типа мытья: ритуальное, гигиеническое, лечебное, а также мытье, выполняющее ряд функций, фоном для которых и служит мотив омовения. Большей частью сюжетообразующими мотивами являются мотивы, относящиеся к первому (имеющие ярко выраженную ритуальную основу) и четвертому типу (нет акцента на ритуальном, гигиеническом или лечебном мытье), а дополнительными — относящиеся ко второму (связаны с гигиеной) и третьему (лечебному) типам. Для сказки характерно ритуальное мытье, связанное с переходом умершего в иной мир, но отсутствует ритуальное мытье невесты в бане перед свадьбой.

В одной и той же ситуации инициатор мытья может меняться: им выступает сам герой, его антагонист или помощник. Поэтому причина омовения оказывается важнее для развития сюжета, чем его инициатор. Сказочный персонаж чаще моется сам, но иногда, когда он сам не хочет или не может делать этого, его моют другие. Омовение может быть индивидуальным, парным или групповым. Мытье в бане как традиционный русский способ очищения используется в сказке чаще, чем умывание или купание в природных водных источниках.

Литература

- Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весеннее-летний цикл. М., 2002.
- Азбелев 1986 — Фольклор Русского Устья / отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. М. Мещерский. Л., 1986.
- Афанасьева-Медведева 1994 — Рождественская ночь: сборник / сост., предисл., очерки, подгот. текстов и коммент. Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Иркутск, 1994.
- Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Белик 1961 — Белик А. П. Этические и эстетические мотивы в русской народной сказке // Из истории эстетической мысли древности и средневековья / редкол. В. Ф. Берестнев, А. П. Белик, М. Ф. Овсянников, П. С. Трофимов. М., 1961. С. 303—342.
- Болонев 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск, 1997.
- Давыдов 2001 — Давыдов И. П. Баня у Бабы Яги (заметки о некоторых элементах поведения сказочного героя в гостях у Бабы Яги) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 6. С. 73—88.
- Ефименко 1994 — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // В. И. Даль. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии. СПб., 1994. С. 158—171.
- Зиновьев 1983 — Русские сказки Забайкалья / сост. В. П. Зиновьев. Иркутск, 1983.
- Зыкова 2005 — Зыкова М. Н. Фольклор как социально-психологический феномен (на примере свадебного обряда). М., 2005.
- Криничная 2001 — Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.

Матвеева 1979 — Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск, 1979.

Матвеева 1981 — Русские волшебные сказки Сибири / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск, 1981.

Матвеева 1984 — Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск, 1984.

Матвеева 1987 — Русские народные сказки Сибири / сост. Р. П. Матвеева. Улан-Удэ, 1987.

Матвеева 1993 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1993.

Мелетинский 1998 — Мелетинский Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М., 1998. С. 305—317.

Мельников 1983 — Сказки Васюганья (Методические рекомендации для студентов пединститута) / сост. М. Н. Мельников. Новосибирск, 1983.

Науменко 1998 — Этнография детства: сб. фольклорных и этнографических материалов / запись, сост. и фотографии Г. М. Науменко. М., 1998.

Рейли 2002 — Рейли М. Истоки жизни: русские обряды и традиции. СПб., 2002.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Бараг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979.

Филимонова 1989 — Филимонова Т. Д. Австрийцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М., 1989. С. 44—65.

Циль 1989 — Циль В., Чеснов В. Я. Уход за телом // Материальная культура. Вып. 3 / отв. ред. С. А. Арутюнов. М., 1989. С. 203—207.

Черванева 2004 — Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в языковой картине мира. Воронеж, 2004.

Шапарова 2003 — Шапарова Н. С. Беременность и роды // Н. С. Шапарова. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2003. С. 72—86.

Шастина 1991 — Сказки Дмитрия Асламова / сост. Е. И. Шастина. Иркутск, 1991.

Шастина 1985 — Русские сказки Восточной Сибири / сост. Е. И. Шастина. Иркутск, 1985.

Summary. *In the article on the material of Russian folk fairy tales group of motives dirty body and washings is analyzed. This article describes the classification and characteristics of this group of motives, traces their links with traditional culture.*

Key words: *Russian national fairy tales, motives.*

Н. С. КОРОВИНА
(Сыктывкар)

«ПРОЗРАЧНОСТЬ» ТЕЛА В СТЕРЕОТИПАХ КОМИ ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить на примере коми формул «прозрачности» процесс формализации, образования стереотипов. Выявляется их типология, генезис, жанровая многофункциональность, историческая трансформация на позднем этапе существования.

Ключевые слова: традиционная формула красоты, стереотип, «рентгеновский стиль», демифологизация, омонимия символа, «прозрачность» тела, атрибутивная формула.

Вустно-поэтическом творчестве народа коми особое место занимают стереотипы, описывающие красоту тела фольклорных героев. Одним из традиционных приемов портретной характеристики является уподобление персонажей природным явлениям. Показательными являются стереотипы, в основе которых использованы эпитеты с метафорическим значением: «намыр небыд яй» (подобно костянике мягкое тело); «сера азь гум рѳвнѳй лысем» (боршевично-ровное тело); «шобдѳ еджыд яй» (пшеничное белое тело); «кѳч гѳн кодъ еджыд яй» (белое, как заячий пух, тело); «юсь пук небыд яй» (мягкое, как лебединый пух, тело). В них аккумулированы эстетические вкусы коми народа, его представления о женской красоте.

Особенно часто подобные клише встречаются в коми свадебных причитаниях. Построенные по принципу накопления, кумуляции, в целом они создают впечатление драматизма момента, выражают предчувствие страданий и горя в новой жизни, замужестве. Приведем отрывок причитания, в котором цепь состоит из шести параллелей:

Сиралісны вѳд сиртѳм юрѳс,
Тувсов тола моз вѳд менам,
Да пельпомѳй ляпкаліс,
Чунькыти палынь моз
Морѳсѳй векняліс,
Оз тусь вед менам войтыштіс